

ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.Д. Каксин

INFINITE FORMS OF A VERB AS THE MEANS OF EXPRESSING EVIDENTIALITY (THE CASE OF KHANTY)

A.D. Kaksin

Имея в виду актуальные потребности современной научной грамматики, мы посвятили статью обоснованию важнейшей роли инфинитных форм глагола в выражении эвиденциальности в языке. Эти грамматические единицы со специфическим эпистемическим зарядом играют незаменимую роль в выражении эвиденциальных значений во многих языках. В примерах представлен материал одного из малоисследованных языков севера Сибири – хантыйского языка.

Ключевые слова: грамматика, роль грамматических форм, глагол, инфинитные формы глагола, грамматические средства, эвиденциальность, хантыйский язык.

Taking into consideration the requirements of modern scientific grammar we reveal in this article the importance of infinite forms of the verb expressing evidence in a language. These grammar forms possess a specific epistemology charge and play an important role in expressing evidence in many languages. The examples supplied are based on the material of one of the least studies languages of the north of Siberia – Khanty.

Keywords: grammar, infinite forms of the verb, grammar forms, evidence in a language, evidentiality, Khanty.

Начнем с известного положения о том, что модальность и эвиденциальность – грамматические категории, поскольку выражаются в языках грамматическими формами, прежде всего – формами глагольного наклонения. Другими словами, они полностью соответствуют основным понятиям грамматики, принятым в общем языкознании: грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов *грамматических форм* с однородными значениями; в свою очередь, грамматическая форма – это языковой знак, в котором *грамматическое значение* находит свое регулярное (стандартное) выражение, а грамматическое значение – обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов¹. Ряд грамматических форм образует парадигму той или иной категории.

Основу парадигмы грамматической категории составляют синтетические формы, в которых лексическое значение основы и вносимое переменное грамматическое значение выражаются в одном слове. Но в парадигму могут быть включены и аналитические формы, если они выражают какое-

либо грамматическое значение, входящее в содержание категории. Аналитическая форма – сложное слово, в составе которого носителем грамматических значений является вспомогательный элемент, а знаменательная часть либо не изменяется, либо выражает категории согласовательного типа.

К понятиям финитности / инфинитности исследователи обращаются при описании грамматического строя многих разноструктурных языков: эти понятия составляют содержание категории *репрезентации*². Употребление данной терминологии позволяет более точно характеризовать функции глагольных форм, а именно глагольные формы будут в центре нашего внимания на всем протяжении работы.

Финитными называются все формы «собственно глагола», глагола в узком смысле этого термина, которые в предложении бывают простыми глагольными сказуемыми. Финитным формам противопоставляются инфинитные, которые в разных языках представлены очень разными – и количественно, и качественно – наборами форм (причастия, деепричастия, герундии, супины, име-

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. E-mail: adkaksin@yandex.ru

Andrey D. Kaksin, PhD, leading research assistant of Institute of humanitarian researches of Khakass state university name N.F. Katanov. E-mail: adkaksin@yandex.ru

на действия). В хантыйском языке система инфинитных форм небогата: здесь всего одно деепричастие (с показателем =ман) и два причастия³.

Подробнее о названных хантыйских формах будет сказано в ходе дальнейшего изложения, здесь же важно заметить, что инфинитные формы в хантыйском языке способны выступать в функции конечных глагольных форм в предложении. Именно это обстоятельство позволяет говорить о наличии в хантыйском языке отдельных форм наклонения неочевидного действия и стально-перфектных форм на =ман⁴.

Вернемся к модальности и эвиденциальности. Модальность – категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого⁵. О модальности написано очень много (о чем ниже), об эвиденциальности – намного меньше. В самом общем виде: эвиденциальные значения выражают эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации⁶. Для нас же важно то, что главным средством грамматического оформления модальности и эвиденциальности является категория глагольного наклонения⁷, в хантыйском, как и во многих других языках, сопряженная с категорией глагольного времени.

Традиционно «наклонение» по отношению к «времени» считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определенному наклонению. Материал множества языков (в том числе хантыйского и мансийского) позволяет говорить об определенной схеме взаимоотношений двух названных категорий. Наклонение и время в этих языках можно рассматривать как одну гиперкатегорию «наклонения-времени». Целесообразность такого подхода отстаивается многими лингвистами, особенно теми, кто занимается языками агглютинативного строя⁸.

Формально-структурное объяснение этому явлению дает *грамматика порядков*. Сама грамматика порядков в своей завершенности сложилась к середине 70-х годов XX в., когда была реализована применительно к тюркским языкам. После этого она сама стала служить инструментом анализа некоторых сложных вопросов грамматики, в том числе проблемы сопряженности категорий «наклонение» и «время». Объяснение этой сопряженности с помощью понятия «порядок» представлено, в частности, в работе В.С. Храковского и А.П. Володиной (1986), в которой сформулировано следующее положение: нет двух порядков отдельно для наклонения и отдельно для времени, а есть один порядок для двух категорий.

«Наклонение характеризует реальность/ нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего. Определение времени характеризует такие явления, которые составляют часть явлений, характеризующихся категорией наклонения. ... Нет различ-

ных временных и модальных отношений, а есть реальные (временные) и нереальные (невременные) отношения, которые в агглютинативных языках, – а можно думать, и в любых других, – не выражаются совместно в одной глагольной словоформе»⁹.

В соответствии с этой точкой зрения парадигмы косвенных наклонений не должны включать субпарадигмы времен (иными словами, глагол в косвенном наклонении не должен изменяться по временам). Но в описательных грамматиках разных языков нередко говорится о том, что какое-либо наклонение (в дополнение к индикативу) имеет временные формы. Например, в якутском выделяется наклонение неосуществленного действия с временными планами прошедшего и будущего¹⁰, в алтайском языке условное наклонение также имеет две группы форм: настояще-будущего и прошедшего времени¹¹.

Разбирая подобного рода деление условного наклонения в чешском языке, В.С. Храковский и А.П. Володин отмечают, что эти формы отличаются друг от друга не временными значениями, а модальными. Авторы делают и более широкое обобщение на материале романских и английского языков: «...во всех случаях, когда косвенные наклонения имеют парадигму временных форм, эти формы прежде всего используются для обозначения различных модальных значений»¹².

Часто в парадигмы косвенных наклонений втягиваются индикативные формы, которые при этом регулярно употребляются с определенными элементами. Возможны два основных случая подобного использования индикатива: 1) в парадигму косвенного наклонения втягивается только одна из его временных форм, что бывает обусловлено подходящей временной семантикой; 2) с определенного рода вспомогательными элементами (с одними и теми же – по аналогии, по закону симметрии) начинают употребляться две или более временные формы индикатива, и в этом случае между ними чаще всего происходит семантическое размежевание по какому-либо признаку.

Для исследователей модальности в языках индоевропейской семьи и в других ностратических языках имеют значение две авторитетные традиции изучения этого явления. В европейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По мнению французского лингвиста, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которую заключается суждение (оценка) говорящего относительно диктума. Ш. Балли разделяет модусы на эксплицитные и имплицитные. Основной формой выражения эксплицитного модуса считается главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным дополнением¹³. Таким образом, модальность трактуется Ш. Балли как категория предложения, а в ее выражении первостепенную роль

играют модальные глаголы, требующие распространения.

Этой концепции придерживаются и немецкие грамматисты. В. Флемиг под этим углом зрения рассматривал предложения с формами конъюнктива в немецком языке¹⁴. Х. Бринкманн предлагает выделять два уровня модальности: уровень реальности/ ирреальности, на котором исследуются значения побудительности и оптативности, что выражается формами повелительного и сослагательного наклонений, и уровень истинности (релевантности) информации, включающий вопрос и высказывание, что находит выражение в формах изъявительного и сослагательного наклонения (но на этом уровне сослагательное наклонение (Konjunktiv) используется для ввода в повествование третьего лица). В качестве одной из основных оппозиций модальности служит оппозиция «утверждение/ отрицание» (Setzung/ Ausschliessung), где отрицание рассматривается как конфронтация ожидаемого развития событий и действительности (ср. с модальным инвариантом «реальность/ ирреальность» в русском языке¹⁵). Поле модальности включает названные значения и их варианты, которые выражаются модальными глаголами müssen, sollen, können, wollen, mögen, dürfen¹⁶. Авторы же академических «Основ немецкой грамматики» выделяют в качестве модальных значения реальности – нереальности, повелительности, возможности – невозможности, оптативности, уверенности – неуверенности, в т. ч. предположительности и вероятности¹⁷.

Главная линия изучения модальности в отечественном языкознании идет от академика В.В. Виноградова, который дал достаточно широкое толкование категории модальности. Его работы, посвященные проблеме модальности¹⁸, по сей день очень важны для лингвистов, занимающихся изучением различных аспектов данного вопроса. По мнению академика, если категория предикативности выражает общую соотношенность содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности есть прежде всего модальное отношение¹⁹. Таким образом, суть модального отношения заключается в том, как говорящий относится к действительности и как он понимает и квалифицирует свое сообщение, чтобы обеспечить действенность и актуальность этого сообщения²⁰.

В плане разработки общей теории функциональной грамматики проблематикой модальности широко занимались А.В. Бондарко и его сотрудники. С точки зрения А.В. Бондарко, в ходе лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» утратили свою определенность. Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, и трудно назвать двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково. Объем этого понятия и охват им языковых явлений не совпадают в концепциях разных исследователей. Но, по мнению А.В. Бондарко,

большая часть этих концепций не выходит за пределы определенного, хотя и довольно широкого круга языковых явлений и средств их выражения. В коллективной работе под редакцией А.В. Бондарко (1990) приводится и перечень языковых явлений, которые относятся к модальности. Общим семантическим признаком «модальных объектов» является «точка зрения говорящего» (термин, введенный В.В. Виноградовым). «Позиция говорящего» в явном или скрытом виде включается в любое истолкование модальности. В каждой из модальных категорий точка зрения говорящего выступает в особом аспекте актуализации²¹.

Итак, говоря о модальности как об устанавливаемом говорящим отношении содержания высказывания к действительности, исследователи имеют в виду отношение к действительности в представлении говорящего. Именно это представление (в обобщенном виде) отражено в языковых модальных значениях, включающих элементы языковой семантической интерпретации смысловой основы выражаемого содержания.

А.В. Бондарко выделяет следующие шесть типов модальных значений, обеспеченных различными средствами выражения (грамматическими, лексическими, интонационными).

- Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/ ирреальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола, а также некоторых союзов, частиц и других элементов структуры предложения.

- Выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности.

- Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого, которая может выражаться модальными наречиями, вводными словами, а также сложноподчиненными предложениями с придаточным изъяснительным, где главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном.

- Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные (выражающие сообщение), вопросительные (выражающие вопрос), побудительные (выражающие побуждение) и оптативные (выражающие желание). Средства выражения этих значений различны: морфологические (наклонения глагола), синтаксические (конструкция предложений), просодические (интонация).

- Значения утверждения/ отрицания, отражающие наличие/ отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. Первый член оппозиции, т.е. утверждение, не маркируется, второй маркируется грамматическими, словообразовательными и лексическими средствами выражения отрицания.

- Эмоциональная и качественная оценка со-

держания высказывания, выражаемая лексически (словами со значением «плохо» или «хорошо»), просодически (восклицательными предложениями), а также с помощью междометий. Помимо этого, данное значение может быть представлено сложноподчиненными предложениями, содержащими в главной части оценочный модус, либо конструкциями с вводными словами и оборотами («к счастью», «к несчастью» и т.п.). Следует при этом подчеркнуть, что оценочность лишь частично связана с семантической модальностью: налицо точка зрения говорящего, его отношение к содержанию высказывания, но далеко не всегда достаточно ясно выражено «отношение содержания высказывания к действительности». Оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью, сферу, представляющую собой один из элементов ее окружения; в терминах функциональной грамматики – это элемент периферии поля модальности²².

Мы в целом принимаем данный набор модальных значений, думаем, что они существенны и в хантыйском языке, все составляют поле модальности, за исключением значения утверждения/отрицания, которое в каких-то случаях может «подправлять» модальное значение, но непосредственно к модальным не относится. По пункту 4: при всех оговорках в числе модальных должны рассматриваться побуждение и желание, тем более что наряду со значением побуждения, во многих языках и значение желания может выражаться формами глагольного наклонения (оптатив). В упомянутом коллективном труде *оптативность* и *повелительность* рассматриваются в разделе «Модальность», и сами авторы обосновывают это так: в модальных значениях отражается не только оппозиция реальности/ирреальности, но и динамика связей между ними; именно эти связи отражаются в понятии потенциальности; а сфера потенциальности непосредственно охватывает модальные значения возможности и необходимости, а также гипотетичности; и вместе с тем элемент потенциальности играет существенную роль в значениях оптативности и повелительности²³.

Таким образом, авторы упомянутого труда (А.В. Бондарко и др.) явным образом придерживаются широкой трактовки модальности, включая в эту сферу все выявленные ими типы модальных значений, исключая только значение утверждения/отрицания, т.е. это продолжение и развитие концепции академика В.В.Виноградова. Широко понимать модальность в данном случае помогает теория поля, в котором выделяются ядро и периферия. А далее в этой модели функциональной грамматики на передний план выдвигается анализ типовых категориальных ситуаций в их многоступенчатой вариативности²⁴.

Важно заметить, что здесь в контексте проблем модальности обсуждаются эпистемические значения известного и неизвестного, которые при

другом взгляде, как будет видно в дальнейшем, выводятся из модальной сферы и рассматриваются как образующие отдельную категорию – категорию «эвиденциальности».

Многие авторы, напротив, отстаивают более узкое понимание модальности, ограничивая ее несколькими значениями из перечня, приведенного в коллективной работе. При этом, как правило, устанавливают иерархию модальных значений. За инвариант принимается объективная модальность – значения времени и реальности/ирреальности, заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий времени и наклонения. Значения, в которых заключено отношение говорящего к содержанию высказывания, называются в такого рода концепциях субъективно-модальными и выражаются средствами различных уровней языка – интонацией, грамматическими конструкциями, лексикой, словорасположением, тесно взаимодействующими друг с другом. Такое понимание модальности представлено в работах В.Н. Бондаренко, Л.С. Ермолаевой, Г.А. Золотовой, Т.П. Ломтева, В.З. Панфилова, В. Panzer, J. Popela²⁵.

Мы придерживаемся широкой трактовки понятия «модальность» (но все же не настолько широкой, как понятие «модуса», о чем ниже), но при этом эвиденциальность рассматриваем как отдельную категорию, т.е. признаем наличие эвиденциальных наклонений, по другой терминологии – наклонений эпистемологических²⁶. Другими словами, в нашей трактовке рассматриваются две равноправные функционально-семантические категории (модальности и эвиденциальности), и обе эти категории могут иметь свою систему наклонений, а также выражаются другими, самыми разными, средствами. Общую систему средств выражения каждой названной категории целесообразно рассматривать как полевую структуру, имеющую ядро и периферию.

В хантыйском языке традиционно выделялись лишь индикатив и императив²⁷. Еще упоминалось о наличии в ваховском диалекте предположительного наклонения²⁸. Позже к ним добавилось наклонение неочевидного действия и сослагательное. После констатации форм изъявительного наклонения (индикатива), или, как его еще называют, *прямого*, из других наклонений, *косвенных*, первым выделяется императив, который, в свою очередь, бывает представлен прямыми и косвенными формами. Прямой императив (здесь речь идет только о формах 2-го л.) в хантыйском языке не имеет собственного показателя и отличается от индикатива только отсутствием временного форманта. Императив по временам не изменяется: побуждение к действию однозначно ориентировано в план будущего. Иными словами, в хантыйском языке императивная форма отличается от индикативной именно принципиальной незаполненностью порядка наклонения-времени. При этом в двойственном и множественном числе субъектно-

го спряжения и в большинстве форм объектного имеет место материальное тождество лично-числовых аффиксов индикатива и императива. В ед. числе, кроме утраты временного показателя, отмечается и элизия финального согласного в лично-числовом аффиксе.

При глаголе в императиве могут употребляться частицы, например, *sār* (сър), *ja* (я), указывающие на необходимость исполнения действия незамедлительно, выражающие категоричность или определенную эмоциональность. Как правило, частица располагается в постпозиции и контактно по отношению к глагольной словоформе.

Тум лаймен тыв мийле-сър 'Тот топор сюда подай-ка'; Лунгум ёх, паса́на омсылаты-сър 'Вошедшие люди, за стол садитесь-ка'; Кёня́р ёсах, ма хущема юва-сър, мавн ма́лэм 'Бедненький, подойди-ка ко мне, конфет дам'.

Ма́на, йа́нгха-я, нётумта лўвела 'Иди, сходи же, помоги ему'; Тум ай са́рэн тыв мие-я 'Ту маленькую лопаточку сюда дай-ка'.

Итак, наклонения реалиса реализуются исключительно через набор временных форм. В большинстве языков представлено одно реальное наклонение, которое в грамматиках этих языков называется изъявительным, или индикативом. Так обстоит дело в русском, английском, немецком и многих других языках. Но в языках бывают и другие наклонения реалиса. Так, в нанайском языке нейтральному изъявительному противопоставляется очевидное наклонение, значение которого – «подчеркнутая очевидность, достоверность действия»²⁹. Сюда же следует отнести и утвердительное наклонение якутского языка, которое выражает «несомненную уверенность» в действии. Оно противопоставляется изъявительному (так же, как и очевидное наклонение нанайского языка) по признаку «степень достоверности»³⁰. Анализ этого материала подтверждает: в косвенных наклонениях варьирование по временной парадигме не предполагается, а если это и происходит, то не на основе темпорального, а другого категориального (модального, аспектуального, залогового) признака. Для формального выражения наклонений эвиденциальной сферы могут использоваться (и широко используются) инфинитные формы глагола (как показывает пример хантыйского языка).

Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С.115–117.

² Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. С. 246–248; Кузнецова Н.Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск, 1995. С. 187–189.

³ Черемисина М.И., Ковган Е.В. Хантыйский глагол / Новосибирск: НГУ, 1989. С. 5–6.

⁴ Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки М., 1966.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 303–304.

⁶ Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000. С. 321.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 303; Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 206.

⁸ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2: Морфология. М.; Л., 1961; Серебrenников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

⁹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. С. 64–67.

¹⁰ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970. С. 247–249.

¹¹ Баскаков Н.А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., 1985. С. 43.

¹² Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. С. 67.

¹³ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с франц. М., 1955. С. 69–82.

¹⁴ Flämig W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Inhalts und Gebrauchswesen. Berlin, 1959.

¹⁵ Темпоральность. Модальность / В сер.: Теория функциональной грамматики / отв. ред. А.В.Бондарко. Л., 1990. С. 72–79.

¹⁶ Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2 Auflage. Düsseldorf, 1971. S. 357–380.

¹⁷ Grundzüge der Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1984. S. 96–99.

¹⁸ Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // труды Института русского языка АН СССР. М.; Л., 1950; Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972; Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

¹⁹ Грамматика русского языка. М., 1960. С. 80.

²⁰ Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982. С. 10.

²¹ Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 65.

²² Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 67–68.

²³ Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 75.

²⁴ Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 244.

²⁵ Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 69.

²⁶ Темпоральность. Модальность. Цит. соч. С. 206.

²⁷ Штейниц В.К. Хантыйский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Л., 1937. С. 216–221.

²⁸ Терешкин Н.И. О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка // В помощь учителю школ Севера. Л., 1958. С. 330.

²⁹ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2: Морфология. М.; Л., 1961. С. 114.

³⁰ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970. С. 204–206.

Поступила в редакцию 3 августа 2011 г.